

Рассказ

Историю, которую я хочу поведать, мне рассказал Анатолий Николаевич Третьяков, полковник в отставке, участник боевых действий в Чечне. При первой же встрече он произвёл на меня впечатление человека доброго, сдержанного, мягкого. Помню, как он радовался дождю, стоя под его каплями, радовался как ребёнок. Полагаю, умение так воспринимать окружающий мир владеют люди, бывшие на волосок от смерти.

Подобные истории я называю историями силы, и, как я склонен думать, они происходят с далеко не обычными людьми: людьми сильными, чем-то одарёнными или имеющими необычную судьбу. Возможно, поэтому я с самой первой минуты нашего знакомства проникся к Анатолию Николаевичу глубокой симпатией.

Это произошло в 1974 году в селе Дерюгино Курской области, куда, будучи молодым офицером в возрасте около двадцати двух лет, Анатолий Николаевич приехал в гости к своему дяде. Любитель побыть на природе, увлечённый рыбак и охотник, он решил сходить поохотиться на уток.

— Ты только на дальнее озеро не ходи, — сказала ему соседская бабушка.

— Это почему же? — удивился юный Анатолий.

— Там водяной живёт, — серьёзно ответила соседка.

Анатолий рассмеялся: было смешно ему, молодому офицеру, воспитанному в Советах, отказавшихся от всего потустороннего, верить в местный фольклор о нечистой силе. Взяв ружьё, патроны с картечью, Анатолий рано утром отправился в сторону озера. По пути ему встретился Николай, местный пастух, собиравший коров для угона на пастбище.

— Ты только на дальнее озеро не ходи, — сообщил Анатолию Николай, узнав о цели гостя. — Там водяной живёт.

Анатолий недоумённо воскликнул: — И ты туда же! Ладно бабка, но тебе-то стыдно должно быть.

Но Николай стоял на своём: — Да все об этом говорят. Туда никто не ходит.

"Раз никто не ходит, значит, там

И вдруг посреди всей этой битвы человека с природой всплывает водяной. (На этом месте рассказа я оторопел, ощутил лёгкий страх от несовпадения образа рассказчика и того, что он рассказывает. Не может такое говорить старый боевой офицер! Это

Делай то, что страшно

должно быть много уток", — подумал Анатолий и отправился дальше своей дорогой, позабыв о наставлениях.

И вот оно "дальнее озеро". Вокруг ни души. Тишину нарушает только шелест камыша, растущего вдоль берега. Из воды торчат мохнатые кочки, по поверхности воды плавают длинные

водоросли, и только местами виднеются незаполненные растительностью узкие протоки, по которым можно свободно плавать. А по всему водному пространству — утиная дислокация, да такая многочисленная, что стреляй наугад — не промахнёшься.

Анатолий зарядил ружьё и начал охоту. Выстрел — одна утка готова. Второй — ещё. Третий, четвёртый — охота идёт по плану...

невозможно! Но я почему-то верил ему. А он спокойным тоном продолжал описывать внешность водяного.)

Водяной выглядел так, как и должно выглядеть существо, проводящее большую часть жизни под водой. Он был полностью покрыт тёмно-зелёной тиной. Анатолий ясно видел его очертания: над водой возвышались голова и плечи водяного. И он, как ни страшно это представить, молча двинулся в сторону охотника.

Анатолий испугался, причём испугался так, что, как он сказал, "будет весьма неуместным говорить об этом за столом и в присутствии женщин". Волосы встали дыбом. Он вспомнил про ружьё, и усвоенная в военном училище привычка защищаться посредством оружия взяла верх — он выстрелил в водяного. Водяной качнулся назад, ошмётки тины разлетелись в стороны, но он продолжал надвигаться на человека. Его молчаливое движение вперёд, навстречу неприятелю, выглядело зловещим, а сама мысль о существовании сверхъестественного и, что самое ужасное, вера в оно, вели молодого офицера к потере рассудка. Он выстрелил ещё раз, но безуспешно: фигура мрачно наступала на него. Не помня себя, бросив ружьё и патроны на берег, Анатолий бросился бежать.

Впервые в жизни он убежал, не оглядываясь.

Оказавшись дома, он стал постепенно приходить в себя, и здравый смысл забрезжил в его остывающем сознании. Вот он здесь, далеко от дальнего

озера, ничто ему не угрожает, здесь можно успокоиться и осмыслить произошедшее. Этого не может быть, но он ясно видел своими собственными глазами, как некое существо, называемое местными водяным, двинулось над поверхностью воды. И всё же рас-

судок сопротивлялся. "Я, советский офицер, комсомолец должен верить во все эти сказки?" — спрашивал он себя и не мог найти нужного ответа. Страх и стыд боролись друг с другом.

Вечером Анатолий решил вернуться на дальнее озеро. Главной причиной возвращения было брошенное ружьё, которое принадлежало его дяде. Она перевешивала всё. Как он должен был объяснить пропажу ружья? Тем, что он испугался водяного? Такого позора он не мог допустить.

Было ещё светло, хотя солнце уже клонилося к закату, когда Анатолий появился на берегу дальнего озера. Увидев ружьё там, где оно было брошено, он испытал легкую радость. Стаи покочившихся на воде уток искушали сердце молодого охотника лёгкой добычей. Ну как он мог отказаться, когда сама природа приглашала поупражняться в стрельбе. И он уступил ей. Утреннее событие поблекло на фоне предстоящей охоты. Всё как будто уже забылось и казалось неким сном. К тому же повторись это снова, опасность не так уж страшна — он теперь знает, что можно просто убежать, а опыт не позволит ему бросить ружьё. Он остался.

Охота началась и продолжалась до тех пор, пока над поверхностью воды снова не появился знакомый силуэт. Освещаемый садящимся за горизонт солнцем сзади, теперь он казался ещё страшнее, чем утром. Холод и ужас сковали Анатолия. Он было собрался бежать, но его остановили интерес и отсутствие опасности: фигура была не

Сергей ШМАКОВ

ли зарядил патроны с пулями. Брызги воды, куски тины. Фигура двинулась в направлении юноши. Он выстрелил второй раз, но водяной продолжал плыть навстречу. Он аккуратно плыл между водорослями, в протоке, направление которой совпадало с местоположением Анатолия. Анатолий выстрелил третий раз — безуспешно. Когда между чудовищем и человеком оставалось около трёх метров, последний не выдержал и пустился бежать. Уже на подъёме, там, где берег круто поднимался вверх, Анатолий развернулся и выстрелил ещё раз.

Водяной уперся в камыш и завалился набок. Увидев это, Анатолий остановился — его охватил интерес. Он пригласился и обратил внимание на что-то белеющее там, где у водяного должен был быть живот, и это белеющее сильно напоминало щучье пузо — опыт рыбака дал о себе знать. Он не спеша спустился к воде, приблизился к существу и ткнул в него ружьём. Топление разума в непонятном преобразовалось в мощнейший прилив энергии триумфа и восторженной эйфории. Он рассмеялся, едва не упав от нахлынувшей на него радости.

Это была самая обыкновенная щука — десятикилограммовое рыбное существо, с трудом выдернутое человеческим рассудком из сумрака мистического. Последний выстрел попал ей в спину и перебил хребет, отчего она потеряла управление и обнаружила себя, перевёрнувшись на бок под тяжестью груза, находившегося у неё на спине. Грузом же оказался орел, кото-

рый однажды решил полакомиться щучьим мясом, вцепился когтями в спину рыбы, но, не сумев поднять её, был вынужден уйти вместе с ней под воду.

Сам Анатолий Николаевич объяснил это тем, что орлу, чтобы опустить жертву, необходимо положить её на твёрдую поверхность, а поскольку таковой в водной среде не оказалось, он не смог освободить когти и погиб. С тех пор щука катала его на спине как напоминание о своей доблестной победе над птицей, которая со временем обросла тиной, и как устрашение тем, кто отважится на неё напасть, что, стоит отметить, ей удавалось, пока она не встретила более удачливого хищника, коим оказался Анатолий, который, оставаясь в плену страха, и подумать не мог, что плечи водяного — это всего-навсего крылья, заставшие в раскрытом состоянии после долгого сопротивления воде. В тот день Анатолий принёс домой двенадцать уток, здоровенную щуку и знание о том, что страх рождается из невозможности ясно понимать происходящее.

Нет более страшного, если так можно выразиться, греха, чем невежество, поскольку именно оно держит нас в плену предрассудков. Делая то, что страшно, мы побеждаем его, побеждаем самих себя. Знание, а вместе с ним и сила, всегда прчются за страхом. Точнее, страх — это обратная сторона незнания. Не зная, мы создаём из вполне понятных и нестрашных вещей что-то ужасное.

Единственно правильный путь — идти по пути страха. В любой тёмной комнате есть выключатель, найдя который, человек увидит её истинный вид. Осмотрелся, увидел то, что тебя пугает, и пошёл ему навстречу. Другого пути для человека, желающего быть счастливым, не существует. Нужно бояться не собственного страха, нужно бояться того, что он нам не встретится. Страх — это учитель, который заставляет нас учиться.

Рассказ

В то утро Дмитрий проснулся рано. Он долго лежал на кровати, всматриваясь в потолок.

Сергей ИЛЬЧИЧЕВ

Тонкие трещинки, словно паутину разбегались от старого абражу в разные стороны, и теперь все более и более напоминали ему его же израненные и исколотые вены, готовые

Для начала скажу, что все эти годы (более семи лет) я самым внимательным образом вычитывал Библию. Ты об этом, естественно, ничего не ведала. Как не знала и того, что я совсем недавно окрестился в Православной вере по той лишь причине, что очень обидно было за Бога, которого ни во что не ставил народ иудейский.

Ты также не заметила и скромного латунного крестика, что я ношу на своей груди.

Но в Православии, очень скоро, я столкнулся с таким же Его (Бога) непониманием.

Эти "божьи одуванчики", плотную

берут и даже требуют денег, то о них можно сказать лишь как о "мёртвых, что погребают своих мертвецов", как бы мне ни больно было это произносить, а тебе — слышать.

Я никого не осуждаю. Это лишь сумбур из слов и помыслов, произнесенных вслух пред нашим с тобой расставанием.

Ты часто упрекала меня, спрашивая, что я возмнил о себе? Ответчу. Я, вероятно, сродни тому зерну, что было брошено при дороге...

Не воспитанный в любви и страхе Божьем, как мог я вообще кого-либо любить и чего-либо бояться...

Не орошаемый слезами твоей любви, как мог прорости во мне божественный росток, предназначение которого в любви к Творцу и ближнему своему.

Не слыша твоих ночных молитв, как мог я научиться молиться...

Ты как-то сказала, что душа каждого ребёнка сродни школьной промокашке, она впитывает в себя всё, что видит и слышит в этом мире.

Промокашка моей души, к сожалению, не сохранила слов твоих молитв, на ней лишь панический крик растерянного человека, твой крик, мама.

Примерно так или нечто подобное может сказать, пожалуй, всё наше поколение. В нас не выветовались заложенных Творцом ростков христианской любви, а оттого мы более похожи на сомнамбул, этакие самовлюблённые, самодовольные, но мёртвые, не способные чувствовать, что где-то рядом есть тот, кому нужно наше тепло и наша любовь. Мы кроме себя никого не любим, мы этого слова даже не понимаем, мы способны только спариваться, причём, скотским же образом. Это грубо, мама, но это правда.

Наверное, лишь сейчас я понял, что любить — это не значит вожаделенно смотреть друг на друга.

Любить — это значит смотреть в одну сторону.

Думаю, что в сторону Творца!

Наверное, мы бы могли ещё помочь друг другу, для начала просто взявшись за руки, и попытаться услышать, как в унисон бьются наши родственные сердца... Поверь, я не хочу жить так, как жила ты. Страх, который сидит в тебе по сей день, страх перед завтрашним днём, перед тем, что скажут и что подумают о тебе твои коллеги по работе, твоё начальство, соседки по квартире, наконец...

Почему мы боимся того, что они о нас подумают и что они о нас скажут? Бояться надо только Бога. Ему служить, достойно неся свой крест. Но Его место в наших сердцах давно занял другой божок — деньги. Вот что занимает наши помыслы с утра и до вечера. Где их взять и на что их потратить... Разве же это не так? Вот, пожалуй, и всё, что я хотел тебе сказать на прощание.

Попробуй жить, а я выбираю более лёгкий способ. Да, это проявление моей слабости и даже трусости. Согласен! Если бы только был жив отец... Возможно, что я не позволил бы себе так подло поступить по отношению к Богу, к нему, и к тебе".

Дмитрий закончил писать письмо. Все таблетки, которые были заранее приготовлены для этого случая, уже лежали на столике, что стоял рядом с его кроватью. Пригоршней записав их в рот, он лёг на кровать и стал ждать смерти, закрыв глаза, чтобы трещинки потлика, как воспоминания наделанных в жизни глупостей, не отвлекали от главного.

Вскоре он увидел Ангела, чьи горячие слезы орошали его лицо. Этим Ангелом оказалась его Мама. Он не умер по той лишь причине, что наша фармацевтика научилась ловко подделывать лекарства... от которых, если и нельзя вылечиться, то нельзя, как оказалась, и умереть.

Слава Богу, могу лишь сказать я.

Пусть этот, и подобные ему юноши живут на нашей грешной земле. И пока они будут жить, есть надежда, что всякий град, и страна, где ещё есть такие в чём-то наивные, кроткие и любящие предки, — будет стоять во славу Господа!

Всегда, ныне и присно и во веки веков! Амины!

Рассказ

Утром, в самое Крещение, инженер Фёдор Иванович Борщёв ехал на завод в санках, раскладывая день свой по намеченным делам. Накануне он всё точно продумал, нарисовал даже эпюру распределения усилий на грани реза и наметил провести испытание нового инструмента с самого утра. Санки легко скользя по расчищенной от ночного снегопада улице, мимо летели заваленные снегом по самую крышу дома, прохожие

спешили на завод, настроение у Фёдора Ивановича было превосходное. Светлое небо и всё вокруг вдруг наполнилось перезвоном к заутрене. Фёдор Иванович снял шапку начал креститься и кланяться пропывающим мимо знакомым с завода, и ему в ответ кланялись, узнавая инженера. "Боже, как хорошо!" — говорил себе Фёдор Иванович. — Счастье, вот же счастье!"

Проехав проходную, он тут же направился в токарный цех, раскрасневшийся, прошёл между станков к тому, на котором намерен был провести испытание. Инженера уже ждали два токаря. Рабочие почтительно поклонились. Фёдор Иванович поздоровался с каждым за руку: — Ну что, с Божьей помощью примемся?

Инженер передала на чистой тряпичке заготовку реза. Фёдор Иванович взял её в руку, подошёл к металлическому листу и, рисуя мелком результат своих домашних блдений, стал объяснять, как надо сделать заточку. У станка собрались все токари цеха. На инженера смотрели умные глаза.

"Они всё понимают, мы понимаем друг друга и хотим сделать хорошо, и ещё лучше, и ещё, и ещё..." — думал Фёдор Иванович, глядя на рабочих.

В это время к станку подбежал мальчишка-подсобник и, перебив мысли инженера, громко сказал рабочим: — Там... красных по реке ведут.

Сначала, цинкув на парня, рабочие дали ему подзатыльник. А тот вдруг громко закричал: — Их к прорубам ведут!

Мальчишеский голос прозвенел по цеху, оборвав работу станков, движение железа, — тишина... и топот ног по металлическим плитам. Фёдор Иванович вместе с токарями выбежал на цеховой двор. Солнечное сияние, усиленное снегом и льдом, заставило зажмурить, все побежали на берег. Река — ледяная дорога, сверкала на солнце, и дымь дальних изб столбами поднимались в синее небо.

Толпкий снег, хрип перехваченных морозом глоток и пар из хватающих ледяной воздуш ртов. Выше по течению люди увидели пленных красноармейцев, идущих белой колонной, и серых солдат по бокам с колючими штыками. Утопая в снегу, заводские кинулись на самый край летящего в небо берега.

Забыв о сердце, Фёдор Иванович бежал со всеми, падал, вставал и снова бросался в снежную зыбь... Вот и край. В расстёгнутой шубе, с болтающимся по сторонам шарфом Фёдор Иванович встал над рекой.

В звенящей тишине по реке вели пленных — раненых, избитых. Белое нательное бельё уже промёрзло, покрылось серебром инея, и пятна крови горели, как дыры в телах. Фёдор Иванович всё повторял: белый, красный,

голубой... белый, красный, голубой...

Колонна красноармейцев всё тянулась и тянулась, а до берега долетал скрип их шагов, мат конвойных, да храл казачьих лошадей. Красноармейцев было не меньше роты. Гнали их к огромной чёрной дыре, и лёд там был красным.

Опираясь на товарищей, в колон-

Влад ЧЕРЕМНЫХ

Белое, красное, синее...

не шёл Васька Косожихин — гармонщик, матерщинник и любимец на любой заводской вёчёрке. Частушки из Васьки лились как писанные, он ещё и сам на ходу их придумывал. Посмотришь Ваське в глаза — добрее и вернее парня не сыскать, за друга последнюю рубаху отдаст. Он и его товарищи были с Очерского механического завода — вместе ушли добровольцами к красным, вместе сейчас шли на смерть.

Мимо парней деловито просеменял поп с крестом в руке, из-под чёрной ряссы блестели на снегу сапоги из дорогого хрома.

— Куда поёшишь, вошь Христова? — крикнул ему в спину Васька.

Поп даже не оглянулся на него, так и пробежал вперёд к проруби. Тут Васька, сощурив глаза, посмотрел небо и то ли завыл, то ли заел — тихо, как бы издали, набрал силу его голос: "Как по нашей речке плыли три дошечки...". — И во всё горло, набрав в грудь напоследок мороза, грянули парни: "Эх, ё твою мать, плыли три дошечки...". — И снова: — "Эх, ё твою мать, плыли три дошечки!!!" — захлебываясь ледяным ветром уже орала вся колонна, и крик этот, утверждая жизнь, несся над рекою.

На колокольне, отзвонив к праздничной заутрене, стоял молодёнский звонарь, прижимая к груди верёвки — он любил после перезвона потоптаться по звоннице, посмотреть на Город. В ушах у монаха ещё стоял звон, когда утро разорвали далекие пулемётные очереди. Звонарь шагнул к перилам и увидел то, что не могли видеть горожане, — за морозной дымкой, там, где вставало над рекой солнце, с трёхсанских тананок расстреливали мечающихся по льду людей. Казаки не догоняли тех, кто бежал, бежал, бежал куда-то по льду, — всё равно замёрзнут на пир волкам.

Монашек заматался по звоннице как потерянный, упал на колени, снял шапку и быстро-быстро закрестился, потом обнял перед собой баясины и так стоял долго, долго, глядя вниз... и там — внизу, вдали — всё расплывалось в слезах.

Васька лежал на спине и смотрел в небо. Над ним кто-то склонился и стал срыгать с груди нательный крестик.

— Не трожь, блин... не ты весил, — выдавили губы.

И всё... и синь поплыла, и густая чёрная вода петлёй захлестнула горло.

Фёдор Иванович стоял в снегу, а в глазах было черным-черно.

— Покойники-то весной всплывут... у Сарапупа, — доносилось до него, — вот тогда мужики-то поломят.

Так начинался в Городе 1919 год.

Вот-вот прохудиться совсем и залить всю комнату кровью, отравленной наркотиком.

А отвалившись местами потолочная побелка вдобавок обнажила ещё и грязные протечки с верхнего этажа, что более напоминали сегодня мёртвую кожу его давно уже шелушившегося лица и выдавали проступающие очаги неких, очевидно, когда-то приобретённых и порядком запущенных болезней.

Наконец юноша поднялся и медленно побрел в ванную комнату, где долго не бился под душем, сжавшись в комок и жёлоп напоминая мраморного сфинкса застывшего под струями холодного осеннего дождя. Насчёт сфинкса, я, конечно же, немного загнул, но уж больно красивым показалось мне такое сравнение. Юноша же, как и почти все его нынешнее поколение, был высок, но при этом чересчур уж субтилен, с красивыми, но тонкими, длинными и ломаящимися руками, что лежали сейчас на его угловатых плечах. Мне даже показалось, что он плачет, но утверждать не берусь, так как его лицо было залито струящейся водой.

Видели бы вы, как тщательно он одевался, как предвзято-точно аккуратно выгляживал рубашку и брюки, в которых когда-то бодро вышагивал на выпускном вечере, радуя маму и довольных собой учителей... Его считали чрезвычайно одаренным и способным к учению подростком. Ему сулили прекрасные перспективы, и он действительно без труда и знакомств сдал экзамены и был принят в один из самых престижных вузов столицы. Он прочулся три года, сдавая каждый экзамен на "отлично" и вдруг, неожиданно для всех, вернулся в свой родной провинциальный городок.

Вернулся, чтобы умереть. Но об этом я узнал из его предсмертной записки. "...Последний раз, если ты помнишь, мы пытались побеседовать с тобой, по душам три дня назад. Разговор не получился. Был только крик, а утром следующего дня ты, как ни в чем не бывало, ушла в храм, и более я тебя уже не видел. Может быть это и хорошо. Говорят, что большое видится на расстоянии. А потому я и решил, что пора, что настало то время, когда нам нужно резко расстаться, чтобы увидеть это самое большое, если оно, конечно, есть, которое только и видится на расстоянии. И если душа вечная и бессмертная, то мы ещё непременно с тобой встретимся..."

Мне почему-то думается, что когда ты вернешься домой и увидишь это моё письмо, то удивишься не тому, что я решился вдруг насосем уйти из жизни, а тому, что впервые за все эти годы моя кровать вдруг окажется аккуратно застеленной, носки не будут валяться по полу и столик, на котором стоит мой компьютер, будет приведен в божеский вид. Вот, пожалуй, и всё, что я смог сделать для тебя, как некое утешение на прощание.

А теперь о грустном. Я понимаю, что самоубийство или суицид, как его научно обозначают, — есть дело богопротивное. Мне же думается, что вся моя жизнь с некоторой поры уже стала Ему противной. Да и не только моя, однако же, не берусь никого судить более. Разабрыться бы с самим собой. И если принять во внимание, что данный мой поступок идёт вразрез с Божественным промыслом, то попытаюсь и объяснить его с позиции православного человека. Что тебя так удивило? То, что я назвал себя православным?

Валентин НИКИТИН

как солнце, омываясь в океане, крещается Господь во Иордане!

и голос Отчий возвещает ныне пустыне человеческой о Сыне!

и Дух Святой во образе голубки является из облачной скорлупки...

крещается Господь во Иордане! — да будут сопричастны христиане!

что чудо из чудес? —

Господня милость! — нам Троицы явление открылось...

мир просвещающая, Агнец явлен миру, чтоб в радуго облечёсь,

как в порфире —

в Свет неприступный,

тихий, не вечерний, венчая Крест созвездием из терний...

о чём в веках пророки возвещали, исполнилось —

Бог ныне в мире, с нами! —

даруя нам обетованье рая! не зря нас тварь томилась, ожидая...

во Иордане освятились воды, а во Христе — все люди, все народы!

и благодатью полноводны реки с тех пор и ныне, присно и векови!

крещается Господь во Иордане — и небо разверзается над нами!